

УДК 821.161.1

**«КТО ПРАВ – ЯЧЕЙКА ИЛИ ЕЕ АКТИВ?»:
КОЛЛИЗИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО
В РАННЕСОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА П. МАГЕРА «СКРИПАЧ АНДРО»)**

Руслан Андреевич Родионов

стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 119–121. rrodionov@hse.ru

Екатерина Дмитриевна Амирова

студент департамента филологии

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 119–121. edamirova@edu.hse.ru

Журналы в период «великого перелома» трансформируются в важный инструмент пропаганды. Цель настоящей работы – проанализировать механизм передачи идеологического сигнала и его усвоения читателями через литературный текст (рассказ П. Магера «Скрипач Андро») и дискуссию вокруг него в нескольких номерах комсомольского журнала «Смена» от 1928 г. Рассказ должен был навести читателей на размышления о проблеме коллективного и индивидуального, поднятой на VIII съезде ВЛКСМ (с чем он, судя по письмам в редакцию, успешно справился), и стимулировать их критически воспринять отраженную в рассказе косность членов актива. В работе использованы качественный и количественный (частотная лексика) методы анализа художественного текста.

Ключевые слова: советские журналы; раннесоветская пропаганда; конструирование советского человека; количественные методы; А.В. Луначарский.

1. Введение

После революции у большевиков появилась масштабная задача – сконструировать нового, особого «советского» человека [Хоффман 2018: 298]. С. Коткин анализирует формирование идентичности советского рабочего, который является теперь не просто рабочим, каким он был в прошлом – загнанным, занятым принесением прибыли хозяину предприятия – капиталисту, а тем, на кого возложена миссия построения мирового социализма [Коткин 2001: 255]. Рабочих-стахановцев можно назвать лучшим воплощением идеи советского человека [Хоффман 2018: 302–304]. Главный признак советского человека – умение ставить интересы общества выше своих собственных [там же: 300]. Новый человек должен быть свободен от эгоизма, себялюбия и лицемерия и обладать бескорыстием, скромностью, честностью, искренностью, проявлять героизм, быть способным на творческий труд, быть целеустремленным и культурно развитым [там же: 300–304].

Советский идеал представлялся как общечеловеческий, он не делал различий между национальностями и требовал участия в деле построения социализма от представителей всех народов; советским человеком могли быть и мужчины, и женщины [там же: 308–309].

Проблема конструирования «советского» человека активно исследуется с помощью разных методов, ей посвящено множество работ, но при этом она остается актуальной из-за большого количества источников, с помощью которых ее можно дополнить и расширить.

Важную роль в «формовке» советского человека играли не столько организации вроде ВЛКСМ как таковые, сколько те области и формы культуры, посредством которых они осуществляли воспитательную деятельность. Литература не была исключением, и особенное распространение получили комсомольские журналы. По задумке В.И. Ленина, литература должна была стать «частью общепролетарского дела» (Ленин 1968: 101).

В настоящем кейс-стади (Case Study) на примере одного рассказа, опубликованного в журнале «Смена» в 1928 г., мы рассмотрим, как молодое советское государство использовало литературу для производства советского субъекта. Одним из инструментов журнальной пропаганды была дискуссия вокруг художественного текста, посредством которой читатель усваивал нормы советского дискурса и необходимые ценностные категории. В нашем случае читатель «проверялся» на знание идеологического курса, взятого на VIII съезде ВЛКСМ.

Сначала в исследовании рассматривается журнал как особая форма литературы. Затем анализируется рассказ и дискуссия вокруг него, а также предпринимается попытка реконструировать биографию главного героя. В заключение обсуждается перспективность применения количественных методов для изучения эволюции идеологического сигнала в журнальной литературе.

2. Журнал как сложная коммуникативная структура

Литературный журнал, по мнению Б.М. Эйхенбаума, является одной из двух институциональных форм бытования литературы, наряду с кружками и салонами [Эйхенбаум 1987: 433–434]. На особую роль журналов в раннесоветский период обращал внимание и другой формалист, Ю.Н. Тынянов: «Газеты и журналы существуют много лет, но они существуют как факт быта. В наши же дни обострен интерес к газете, журналу, альманаху как к своеобразному литературному произведению, как конструкции» [Тынянов 1977: 268].

Журнал как «носитель» литературных текстов уникален по нескольким причинам. Для существования журнала необходимы три компонента: читатель, писатель и издатель как посредник между первыми. Три важнейших элемента связаны не только общим энтузиазмом (желанием читать, порождать и распространять тексты соответственно), но и денежными отношениями (издатель продает то, что может предложить писатель и готов купить читатель). Вместе с тем издатель журнала – это своеобразный идеологический «фильтр»: он пропускает только то, что, по его мнению и/или мнению государства, должно быть прочитано аудиторией журнала. Таким образом писатель и читатель разделены издателем: писатель во многом только «поставщик» текстов, а издатель – «цензор».

Почти все вышесказанное применимо и к «Смене» – журналу, который существует уже почти 100 лет, с 1924 г. С одной стороны, он позволял зарабатывать деньги именитым писате-

лям, среди которых М. Зощенко, А. Толстой, М. Горький и В. Маяковский, написавший и рекламу для этого журнала: «Еще шагать далеко, // надо взять // не одну стену! // Будь готов // сменить стариков, // читай журнал // “Смену”»¹ (Маяковский 1957: 262). С другой стороны, журнал удовлетворял потребность молодежи в доступной качественной литературе и самообразовании. Самое главное, что стремления писателей и читателей совпали с необходимостью молодого государства пропагандировать грамотность, здоровый образ жизни и просвещение. «Фильтр» журнала был ограничен целями ВЛКСМ.

Но что анализ такого журнала может сказать о его читателе? Ничего, если мы имеем дело с пропагандой, которая полностью исключает читателя из диалога с писателем и другими читателями (в том смысле, что беседы читателей не становятся общедоступным текстом). Более того, такие журналы больше зависят от издателя, и воля читателя не играет важной роли при их публикации. То, что важно пропаганде государства, не всегда интересно читателю (вернее, это сложно знать наверняка). Однако ранние выпуски «Смены» – удивительное исключение как раз потому, что они содержали мнения самих читателей о прочитанном, например, о рассказе П. Магера «Скрипач Андро», который был опубликован в 1928 г., почти сразу после VIII съезда ВЛКСМ.

Анализ рассказа, опубликованного в журнале такого рода, потенциально может сказать многое не только о писателе (о котором, к сожалению, ничего неизвестно даже из библиографического списка от 1929 г. (Мацуев 1929: 90), кроме вероятного грузинского происхождения), но и об издателе, следовательно, о целях, которые преследовала пропаганда.

3. Скрипка или ячейка?

Анализируемый текст предваряется примечанием редакции: «Редакция ставит на обсуждение читателей рассказ “Скрипач Андро”. Кто прав – ячейка или ее актив? Или им следовало принять какое-то другое решение? Отклики читателей будут напечатаны» (Магер 1928: 1). Это существенно меняет прагматику художественного текста: читатель вступает в дискуссию «внутри» журнала, он знает, что его мнение важно и что оно будет прочитано.

Для анализа взаимодействия читателя и власти мы используем модель дискуссии, в прототипическом понимании устного обсуждения какого-либо противоречивого вопроса. Журнал «Смена» публикует рассказ (постановка вопроса), затем в печать идут письма читателей (дис-

куссия), а завершением становится статья А.В. Луначарского, разъясняющая официальную позицию по данному вопросу (разрешение дискуссии). Дискуссия не является реальным спором и местом для выражения собственной политической позиции читателей, а упражнением в усвоении идеологического урока (в данном случае – результатов съезда) и официального языка – т. е. инструментом пропаганды. В трехчастную структуру дискуссии входят теза (рассказ), антитеза (обмен мнениями) и синтез (статья Луначарского и выводы редакции). В результате синтеза остаются только идеологически верные мысли тезы и антитезы, которые нужно усвоить читателю.

Рассказ разделен на две части. В первой повествуется о том, как в Тифлис приезжает композитор из Москвы и, пораженный игрой скрипача, советует Андро дальше заниматься музыкой. Молодой человек работает в типографии и пытается одновременно учиться в консерватории. Окружающие восхищаются его игрой. Вторая часть рассказывает о событиях год спустя. Андро в своей комнате вспоминает о том, что произошло вчера. Актив хотел исключить его из комсомола за неисполнение обязанностей руководителя пионеротряда. Скрипача обвинили в «мещанском» увлечении музыкой, но «ячейка» в лице паренька, оказавшегося одним из слушателей Андро, заступает за него и просит ограничиться выговором и отстранить его от работы с пионерами. Голосующие на стороне паренька. Придя домой, Андро вдохновенно играет на скрипке.

Дискуссия о рассказе была продолжена в 21 и 22 номерах журнала, в которых были опубликованы отзывы читателей. Все читатели осудили линию актива и подчеркнули отсталый, нетоварищеский, недобровольный характер отношений между ним и Андро. По формулировке одного из читателей, «ячейка должна была бы способствовать ему (Андро) в деле изучения трудовой музыкальной техники» (Смена № 21: 15). Читатели придерживаются марксистского лозунга «от каждого по способностям, каждому по потребностям»: «Почему ему (секретарю ячейки Карло) не пришла в голову мысль, что Андро следует освободить от руководства пионерской организацией и перевести на другую работу, более соответствующую его способностям и наклонностям?» (Смена № 21: 15). Неуважение к таланту Андро, «участвующего в создании новой культуры» (Смена № 21: 16), – вот в чем читатели обвиняют актив ячейки. В отзывах все единодушно говорят о том, насколько неправильно ставить вопрос об исключении Андро из комсомола.

При этом окончательное решение ячейки большинство читателей тоже не устроило. Как заявляет один из читателей в следующем номере, Андро – «плохой строитель-производственник» и «спец-общественник» (Смена №22: 8–9). Важно, чтобы Андро остался и полезным для общества комсомольцем, и талантливым музыкантом: «Нужно было говорить о том, как сделать, чтобы Андро не оторвался от комсомола и не ушел “играть и плакать” по пивным»; «Нам нужно сделать так, чтобы и скрипка была частью комсомольского организма» (Смена №22: 9). Недопустимо позволить Андро стать индивидуалистом и «интеллигентиком» (Смена №22: 9), а не пролетарским артистом. Лишь в небольшом количестве отзывов (всего 3, ср. с 14 отзывами, в которых эксплицитно выражена противоположная точка зрения) читатели призывают освободить Андро от общественной работы и позволить ему продолжить обучение в консерватории.

«Рабочему классу музыка не нужна» (Магер 1928: 2) – одно из самых дискуссионных заявлений (принадлежит экправу² Ашату) в рассказе. С ним спорят многие читатели журнала, но какое отношение у советской власти и советского общества к искусству в действительности? Ш. Фицпатрик пишет о том, что в годы «великого перелома» активно действовали такие организации, как Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Союз воинствующих безбожников, «Культармия» и другие объединения радикально и авангардно настроенной молодежи [Фицпатрик 2018: 258–260]. Некоторые из них могли срывать постановки «буржуазных», как им казалось, пьес, поставленных в государственных театрах; РАППовцы организовали кампанию против Горького, хотя сам Сталин просил его вернуться из эмиграции [там же]. Ш. Фицпатрик сравнивает этих воинствующих молодых людей с хунвейбинами [там же: 258], и точка зрения экправа Ашата во многом совпадает с их точкой зрения. Но отношение советской власти к подобным элементам было довольно неоднозначное: они были нужны, пока они справлялись с задачами культурной революции, а их перегибы, например, стремление к упразднению государства, советской власти, очевидно, не одобрялись [там же: 260]. Официальная же позиция относительно музыки несколько иная: классическое искусство (в том числе классическая музыка) признается важным, от него не представляется возможным отказаться. Таким образом, точка зрения большинства читателей журнала относительно искусства, которую они демонстрируют в пись-

мах, совпадает с официальной позицией советской власти.

Финал дискуссии приводится в 23 номере. Главная мысль статьи А.В. Луначарского «Кому заниматься искусством» соответствует вышеприведенным отзывам читателей. Она заключается в следующем: искусство не может быть единственным занятием человека. Обязательно должно быть и другое занятие – «более прозаического типа» (Смена № 23: 14). Редакция журнала озаглавливает свое заключение «Скрипка и ячейка совместимы» (эта мысль повторяется и в самом конце текста редакции) и ссылается на вышеприведенное мнение А.В. Луначарского о совмещении художественной и общественной работы как на авторитетное (Смена № 23: 15), таким образом перенимая позицию наркома просвещения.

И рассказ Магера, и опубликованные в журнале отзывы затрагивают проблемы, поднятые на VIII съезде ВЛКСМ. Решение съезда упоминается в качестве авторитета в одном отзыве и заключении редакции (Смена № 23: 15). В резолюции по отчету съезда мы читаем: «Важнейшей задачей комсомола за истекший период являлось вовлечение масс рабочей и крестьянской молодежи в дело социалистического строительства на основе увязки ее личных интересов с общественными» (Товарищ Комсомол: 327). Именно вопрос о личном и общественном ставится перед читателями и автором рассказа, и редакцией: «Пионер-отряд или скрипка, общественная работа комсомольца или учеба в консерватории – что важнее, как относиться ячейке к комсомольцу, бросившему работу с пионерами из-за музыки?» (Смена № 21: 15). И редакция, вторя резолюции и А.В. Луначарскому, говорит читателю: «Скрипка и ячейка совместимы». На съезде был провозглашен третий путь – «добровольчества, инициативы и самостоятельности» (Товарищ Комсомол: 327). Взятый курс на добровольчество упоминают не раз и читатели журнала (Смена № 22: 9; Смена № 23: 15). Читатели основывают свое мнение на мнении ВЛКСМ, и читатели, которые только читали журнал, не отправляя свои отзывы в редакцию, вероятно, делали то же самое.

С. Коткин пишет: «Отказ от работы, или от “общественно полезного” труда, был преступлением, и преобладающей формой наказания был принудительный труд» [Коткин 2001: 255]. Когда Андро возвращается на собрание, он чувствует себя так: «Ему казалось, что на него глядят, как на преступника, совершившего ужасное злодеяние» (Магер 1928: 2). Фактически над Андро происходит суд не только в переносном,

но и в прямом смысле: если его труд общественно полезен, то он не преступник; если же игра на скрипке не будет признана трудом, то он преступник, потому что отказался от действительно общественно полезного труда, а его наказание – исключение из комсомола (или, возможно, работа с пионерами, если воспринимать эту работу как наказание, аналогично общественным работам). Еще один вариант, предлагаемый в письмах многими читателями, – давать Андро общественную работу и позволять ему учиться музыке – то, что редакция называет «скрипка и ячейка совместимы» (Смена № 23: 15) – тоже может быть своеобразным условным наказанием, общественной «повинностью» (она так не называется в официальном дискурсе, но это читается, например, в статье Луначарского: «Даже художник-профессионал, и очень талантливый, сделает прекрасно, если рядом со своим художественным делом, будет иметь еще какое-нибудь занятие более прозаического типа, и в не меньшей мере будет участвовать и активно участвовать в той или другой полезной организации» – Смена № 23: 14), которую несет деятель искусства, чтобы иметь возможность заниматься творчеством – не трудом.

Другой аспект резолюции, которые и Магер, и читатели журнала будто заимствовали, – критика косности руководящего состава (Товарищ Комсомол: 328). Как заявляет один из читателей: «У меня создается впечатление, что комсомольцы способны только “топить” талантливых ребят вместо того, чтобы оказывать им поддержку» (Смена № 23: 15). Оружием против косности объявляется самокритика (Товарищ Комсомол: 328). Призыв Сталина, произнесенный на заключительном дне съезда, организовать «массовую критику снизу» (Сталин 1949: 73) воплощен в образе картавого паренька, которому симпатизирует большинство читателей: «Хорошо, что в ячейке нашелся один парень, который здраво смотрел на вещи и вывел ячейку из грубого, глубокого заблуждения» (Смена № 22: 8).

Рассказ Магера – не просто социальный заказ в духе соцреализма (моделью для подражания становится картавый паренек, который берет на себя мессианскую роль, спасая Андро от косности и бюрократизма), но и приглашение к дискуссии, в которой большинство читателей подтвердило знание «уроков» XVIII съезда:

- 1) личное необходимо совмещать с коллективным на благо социалистической стройки;
- 2) общественная работа должна назначаться с учетом талантов и способностей рабочего и не быть принудительной (добровольчество);

3) чтобы победить бюрократизм и «разложившиеся элементы» (из речи Сталина на VIII съезде – Сталин 1949: 72), необходима критика снизу.

И А.В. Луначарский, и редакция в этом смысле дублируют точку зрения читателя (и эксплицитного – попавшего на страницы журнала, и имплицитного). Тем не менее журнал публиковал и мнения, противоположные линии партии.

4. Тайна происхождения героя

Для описания себя советский человек использует особый, «большевистский» язык [Коткин 2001: 276]. Таким языком в официальном дискурсе обязаны говорить и герои рассказа, и живые читатели, пишущие письма. Носители этого языка должны владеть официальной советской лексикой и использовать ее для социальной самоидентификации [там же]. С. Коткин определяет тематику этой лексики – слова для идентификации и для описания продуктивности заводской работы. Такие слова приводятся в тексте статьи и в письме Анны Ковалевой, жены машиниста, приведенном в качестве примера: *ударник, стахановец, изтовец, взять шефство, взять на буксир* и т. д. [там же: 274–275; 282].

В этом смысле Андро не умеет «говорить большевистски»: «Я **не могу** работать в отряде с пионерами. Мне нужно ходить в консерваторию. Поэтому в десятый раз прошу снять с меня ответственность за отряд...» (Магер 1928: 2). В то же время его товарищи по ячейке хорошо освоили этот язык: «**срыв** работы в пионер-отряде и невыполнение союзных обязанностей»; «провалил работу <...> это **уклон**»; «я, как член комиссии и член пионербюро...» (Магер 1928: 2). Особенно ярко контраст между речевым поведением Андро и других комсомольцев виден на примере последней реплики: экправ начинает свою реплику с самоидентификации и обозначения своего места, значимости для общества; Андро же заведомо проваливает игру: он говорит о своих способностях и чувствах (чем демонстрирует приоритет личного интереса над общественным в данном случае, и это считывают и его собеседники, и читатели журнала) на обычном разговорном языке, ни разу не используя лексику официального дискурса.

С. Коткин наблюдает смещение в значении личного и общественного в лексике, которую используют рабочие, и в фактах их биографии. «Родным» становится их завод, а не дом [Коткин 2001: 274]. Можно сказать, что завод и становится для рабочих магнитки новым местом рождения – их рождения как советского человека, что в биографии как будто важнее фактического рождения. На примере дневников «бывших людей», а именно –

в ранних дневниках Степана Подлубного, сына раскулаченного крестьянина, скрывавшего свое происхождение и переехавшего из украинского села в Москву [Хелльбек 2021: 198], можно увидеть, что люди, стремясь интегрироваться в новую социальную реальность, даже отказываются от обстоятельств своего фактического рождения (социального происхождения) – от родителей, тем самым отказываясь от своей первой идентичности в пользу советской: «В нем зафиксированы напряженные попытки “раствориться” в новой среде в условиях охоты на ведьм и непрерывного разоблачения классовых врагов. Но дневник Подлубного свидетельствует и о том, что автор рассматривал свою новую жизнь не только как притворство, но и как возможность добиться полной перестройки своей личности с целью стать полноценным членом социалистического общества» [там же]. Таким образом, в этих примерах происходит отказ от личного в пользу общественного на лексическом уровне или в виде реальных действий человека, описанных в дневнике.

Реконструируя биографию скрипача Андро, мы можем использовать очень малое количество фактов о его социальном происхождении, которые дал нам автор: примерный возраст, место учебы, год вступления в комсомол. Очевидно, целью писателя не было сформировать социальную биографию героя, но у нас есть достаточно данных, чтобы анализировать то, как его воспринимают товарищи по комсомолу и читатели журнала. Что очень важно, мы можем проанализировать то, как они его **называют**. Следуя за мыслью С. Коткина, определенные ярлыки – *стахановец, ударник, аварийщик, отстающий* – вовлекали рабочих в игру на социальном поле, правила которой были навязаны властью [Коткин 2001: 281–282]. Для рабочих эти ярлыки были очень важны не только потому, что несли за собой определенные последствия в материальном плане (увеличение заработной платы или увольнение, двойные пайки и т. д.), но и потому, что «стахановец» удостоивался определенного нематериального поощрения – фотографий в холле среди лучших работников, статей в газетах и т. д. [там же: 264–265]. Мы можем видеть следующие слова, которыми комсомольцы и читатели называют Андро: «способный к музыке **комсомолец**» (Смена № 23: 15), двое из участников дискуссии в школьной ячейке причисляют Андро к «**талантливым ребятам**» (Смена № 23: 15); другой читатель называет Андро «**талантом из пролетарской среды**» (Смена № 21: 16); один из читателей видит в нем «представителя искусства

из **большевистского** лагеря» (Смена № 21: 16); другая участница дискуссии предполагает возможное «перерождение» Андро «из активных <...> **комсомольцев** <...> в хлюпающих **интеллигентиков**»; по ее мнению, действия ячейки могут повлиять на то, появятся ли «**пролетарские** артисты» или «межпланетные **аполитичные** поэты» (Смена № 22: 9). Один из читателей присваивает Андро ярлык «комсомольца с оговоркой» (Смена № 22: 8). В самом рассказе встречаем: «уклон, пахнувший тиной из **мещанского** болота», «...**рабочему** классу музыка не нужна. Это нужно лишь **буржуазии**...» (Магер 1928: 2). Здесь нет прямого присваивания ярлыка, но это явные намеки от актива ячейки на то, что Андро таким может стать. Так как проблема дискуссионная, никакого единого ярлыка для Андро нет. Несмотря на то что некоторые видят в герое интеллигента, мещанина, представителя буржуазии, остальным это не мешает воспринимать его как пролетарского, комсомольского, большевистского – т. е. своего – представителя культуры.

Представляется интересным, каким на практике могло быть происхождение Андро, если бы речь шла о биографии реального человека. Нам известно, что Андро вступил в комсомол в 1920 г. (Магер 1928: 2), т. е. в это время ему было не менее 14 лет. В 1927 г. («Год тому назад...» – Магер 1928: 1) Андро уже учится в консерватории, в 1928 г. он продолжает свою учебу и состоит в комсомоле, таким образом, в момент повествования ему точно не более 28 лет, и, с большой вероятностью, не более 23 лет, т. к. в консерваториях учатся 5 лет. С помощью факта поступления в университет оценить происхождение Андро довольно сложно, т. к. на момент начала первой пятилетки «политика <...> отправки молодых рабочих в вузы не содержала в себе ничего нового» [Фицпатрик 2018: 262], но профиль его занятий заставляет задуматься о том, что Андро научили играть на скрипке в детстве, дома, и его семья не была рабочей или крестьянской, а была интеллигентской; в таком случае, он мог скрыть свое происхождение при вступлении в комсомол и сконструировать свою социальную идентичность способом, похожим на то, как это сделал Степан Подлубный.

5. Лексический анализ текста

Перейдем к результатам количественного анализа лексического своеобразия рассказа. Важно отметить, что для проведения количественного анализа текст рассказа сначала был адаптирован к современной орфографии, например: часть правок была связана с такими особен-

ностями послереволюционной орфографии, как правописание «о», «е», «о» после шипящих и «ц» (*танцовали* – Магер 1928: 2) и отмена литеры «ерь» (вз'елась – Магер 1928: 2); были исправлены опечатки, допущенные при наборе текста: «...сжатые толстые губа», «вчершнее» вместо «вчерашнее» (Магер 1928: 1).

Сначала была проведена лемматизация текста в MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem>) с контекстным снятием омонимии. Программа Mystem в некоторых случаях совершает ошибки при определении как леммы, так и части речи, которые пришлось исправлять вручную. Например, форма *ком* (SG.NOM существительного *ком*) была спутана с формой SG.ABL местоимения *кто*. Mystem также токенизирует неизвестные слова с дефисами: так, на два разных слова было разбито единственное междометие *ей-богу* (то же самое произошло со словом *пионер-отряд*). Его потеря при анализе была бы существенной: это единственный частеречный гапакс. Единичное употребление этого междометия выделяет его среди всех других частей речи. Его произносит композитор, восхищенный игрой Андро, что подчеркивает исключительный талант главного героя.

Затем были выбраны характерные (напрямую связанные с коллизией рассказа) частотные (с частотой 4 или выше) леммы знаменательных частей речи. Их можно разделить на три группы (см. Табл.). Первая группа – основные герои произведения: *Андро*, *Карло* и *паренек* – и в этом нет ничего необычного. Две другие группы характеризуют члены оппозиции, конструирующей сюжет: «они» vs «я», «коллектив» vs «индивид», «актив» vs «ячейка», «реальность» vs «мечта». В первую группу входят слова, характеризующие «общественное»: бюро, процесс голосования, комсомольскую деятельность. Среди них, например, есть и неологизм *экправ*. Слово включено сюда по той причине, что обычно употребляется именно в контексте проведения голосования: *попросить слово, дать слово, потребовать слово, в ожидании слова* (9 из 11 употреблений!).

Таблица

Основные лексические группы в рассказе

Лексические группы	Лексемы
ПЕРСОНАЖИ	Андро, Карло, паренек
ОБЩЕСТВЕННОЕ	слово, собрание, ребята, бюро, работа, отряд, пионер, экправ
ИНДИВИДУАЛЬНОЕ	скрипка, играть, смычок, музыка, композитор, звук

Знаменательная лексика обнажает тот вопрос, который был поднят на съезде и позже был затронут автором, читателями (включая А.В. Луначарского) и редакцией: «Как соединить вечные индивидуальные интересы с коллективными советскими?» Целью пропаганды было, соответственно, создать такую социальную норму, в которой бы эти две потребности друг другу не противоречили. Об этом, собственно, и пишет в 23 номере журнала А.В. Луначарский, мнение которого разделяет редакция, подводя итоги дискуссии. Дискуссия в данном случае используется властью как инструмент пропаганды социалистических ценностей, а именно – пропаганды того курса, который был взят на VIII съезде ВЛКСМ.

6. Заключение и перспективы

Анализ рассказа П. Магера «Скрипач Андро» позволяет выявить не только особенности этого художественного текста, но и особенности коммуникации издателя «Смены» (государства) с молодым читателем. Рассказ Магера был своего рода дидактическим материалом, поводом к обсуждению актуальных проблем в период «великого перелома» и стимулировал создание и укрепление социальной нормы среди молодежи посредством общественной дискуссии вокруг литературного произведения.

Количественный анализ лишь подтвердил наличие коллизии общественного и индивидуального на лексическом уровне текста. Поэтому целесообразным кажется применить этот или другой метод на целом корпусе текстов: например, проанализировать, как изменялось лексическое наполнение «Смены» (или любого другого журнала) с течением времени, т. е. как смещались идеологические акценты. Для этой цели также подойдут тематическое моделирование и сентимент-анализ (как исторические события влияли на эмоциональную окраску советских журналов? их тематическое содержание?).

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Большого проекта «Литература и общество: цифровая платформа СОЦИОЛИТ», поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ в 2023 г.

Авторы благодарят Дмитрия Сергеевича Козлова, кандидата ист. наук, приглашенного преподавателя департамента филологии НИУ ВШЭ, в Санкт-Петербурге за ценные комментарии, без которых эта статья не появилась бы на свет.

Примечание

¹ Привлекает внимание изящная языковая игра с корнем «мен», обыгрывающая полисемию названия журнала.

² Заведующий экономико-правовым отделом.

Список источников

Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 12. С. 99–105.

Магер П. Скрипач Андро // Смена. 1928. № 18. С. 1–2.

Мацуев Н.И. Художественная литература и критика русская и переводная: 1926–1928 гг. М.: Издание книжно-библиотечных работников, 1929. 297 с.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 5: Март – декабрь. 1923. Реклама. 1923–1925. 479 с.

Смена. 1928. № 21. № 22. № 23.

Сталин И.В. Собрание сочинений: в 18 т. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1949. Т. 11: 1928 – март 1929. 381 с.

Товарищ комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1969. Т. 1: 1918–1941. 606 с.

Список литературы

Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») / пер. Э. Филипповой, О. Леонтьевой // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Самарский университет, 2001. С. 250–328.

Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.

Фицпатрик Ш. Культурная революция // Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 256–268.

Хелльбек Й. Секреты классового врага. Степан Подлубный // Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / пер. С. Чачко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 196–260.

Хоффманн Д.Л. Возращивание масс: Модерное государство и советский социализм. 1914–1939 / пер. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 295–312.

Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе. М.: Советский писатель, 1987. С. 428–436.

**«WHO IS RIGHT – A PARTY CELL OR ITS ACTIVISTS?»:
THE COLLISION OF INDIVIDUAL AND PUBLIC INTERESTS
IN THE EARLY SOVIET MAGAZINE PROPAGANDA
(ON THE EXAMPLE OF P. MAGER’S SHORT STORY “ANDRO THE VIOLINIST”)**

Ruslan A. Rodionov

Research Intern, Laboratory for Complex Interdisciplinary Projects
National Research University Higher School of Economics – St Petersburg

Ekaterina D. Amirova

Student, Department of Philology
National Research University Higher School of Economics – St Petersburg

During the Great Turn, magazines became a crucial tool of Soviet propaganda. The purpose of this paper is to analyze the mechanisms of transmission of the ideology and its assimilation by readers through the literary text (P. Mager’s short story “Andro the Violinist”) and the following discussion in the several issues of the Komsomol magazine “Smena” published in 1928. The story was meant to make readers reflect on the problem of the individual and public interests raised at the 8th Komsomol Congress (which, judging by the letters to the editorial board, they managed to do), and to stimulate them to critically perceive “kosnost” (“rigidity”) of the party members depicted in the story. We applied methods of qualitative and quantitative (frequent lexemes) analysis.

Keywords: Soviet magazines; early Soviet propaganda; New Soviet man; quantitative methods; A. Lunacharsky.